

Альберт Швейцер

Проповеди о благоговении перед жизнью (Февраль 1919)*

Первая проповедь о благоговении перед жизнью Воскресенье, 16 февраля 1919 г. Утренняя проповедь в страсбургской церкви св. Николая

Один из книжников, слыша их прения и видя, что Иисус хорошо им отвечал, подошел и спросил Его: какая первая из всех заповедей? Иисус отвечал ему: первая из всех заповедей: «слушай, Израиль! Господь Бог наш есть Господь единый; и возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всю крепостию твоею», – вот первая заповедь! Вторая подобная ей: «возлюби ближнего твоего, как самого себя». Иной большей сих заповеди нет. Книжник сказал Ему: хорошо, Учитель! истину сказал Ты, что один есть Бог и нет иного, кроме Его; и любить Его всем сердцем, и всем умом, и всею душою, и всю крепостью, и любить ближнего, как самого себя, есть больше всех всесожжений и жертв. Иисус, видя, что он разумно отвечал, сказал ему: недалеко ты от Царствия Божия. После того никто уже не смел спрашивать Его (Мк. 12:28–34)¹.

Книжник, задающий Христу вопрос о главной заповеди, жаждет знаний. Он желал бы услышать ответ на то, что волновало его и его сородичей. В Евангелии от Матфея, как это следует из 22 главы, книжники задают Иисусу этот вопрос, чтобы испытать его. Но евангелист Марк, безусловно, помнит о событии лучше, описывая сцену симпатии, возникшей между Иисусом и книжниками, когда они на мгновение понимают друг друга и смотрят в сердца друг другу, чтобы потом снова разойтись.

* Перевод выполнен по изданию: *Schweitzer A. Predigten 1898–1948. Werke aus dem Nachlaß / Hrsg. von R. Brüllmann, E. Gräser. München, 2001. S. 1233–1239.* Авторское право на оригинальный текст: © Schweitzer A. Predigten 1898–1948. Werke aus dem Nachlaß / Hrsg. von R. Brüllmann, E. Gräser. München: Verlag C.H. Beck, 2021.

¹ Здесь и далее цитаты из Св. Писания приведены по Синодальному переводу.

В то время думающих иудеев беспокоил вопрос, каким образом все законы, большие и малые, свести к главному². Так же и у нас есть подобная потребность. Что есть благо само по себе? Я читал для вас вечные слова Господа нашего о прощении, о милосердии, о любви и обо всех других качествах, которые мы, как его ученики, должны воплощать в мире. Но все мы чувствуем, что это только цвета спектра, в которых преломляется белый цвет основного нравственного чувства, которого Он требует от нас.

О том, какова же главная заповедь любой нравственности и каково ее основание, я и хотел бы поразмышлять с вами в этот час, чтобы затем посвятить несколько проповедей вопросам христианской нравственности, над которыми я думал вдали, в уединении джунглей, помня об этих богослужениях в церкви св. Николая и в надежде когда-нибудь поговорить с вами об этом.

Вопрос о сущности нравственного встает перед нами в этот час со всей очевидностью. Мы подходим к осознанию того, чему до этого всегда сопротивлялись предыдущие поколения и мы сами, но чего мы не можем избежать, если хотим быть правдивыми: христианская нравственность превратилась в этом мире в ничтожество. Она не проникла в глубины человеческих умов, а была принята только внешне, признана больше на словах, чем на деле. Человечество предстает перед нами таким, будто для него не существовало слов Иисуса, будто не было вообще никакой морали.

Поэтому бесполезно просто снова и снова повторять и толковать нравственные заветы Иисуса, словно они, наконец, смогли бы получить всеобщее признание. Это все равно что пытаться рисовать красивыми красками на мокрой стене. Сначала мы должны увидеть предпосылки для их признания и сделать наш мир таким, чтобы они (заветы Иисуса. – *пер.*) вообще что-то для нас значили; и не так-то просто истолковать слова Иисуса, чтобы их можно было практически использовать в жизни.

Приведем изречения, составляющие величайшую заповедь. Что значит любить Бога всем сердцем и из любви к Нему делать только добро? Следуй этой идее, и перед тобой откроется мир размышлений. Когда в своей жизни ты делал добро из любви к Богу, где без этой любви ты выбрал бы зло?

И обратимся к следующим словам: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя». Это истинно, это замечательно. Я мог бы объяснить вам это на прекрасных примерах. Но выполнимо ли это? Предположим, с завтрашнего дня вы буквально захотели бы жить в соответствии с этим правилом, к каким последствиям вы пришли бы через несколько дней?

Великая загадка христианского нравственного учения заключается в том, что мы не можем так легко воплотить заповеди Иисуса в жизнь, даже имея святейшую волю служить Ему. Из этого возникает большая опасность, что мы воздаем им почести и прославляем их как «идеальные», однако в действительности не даем им слова.

Еще одно заблуждение мешает претворению в жизнь христианской морали. Оно легко приводит к гордыне. Если мы прощаем врагов своих, мы чувствуем себя ужасно хорошо; если мы поддерживаем тех, кто нуждается в нашей помощи,

² Примером тому может служить известная история о чужаке, просившем Гиллеля свести всю Тору к наиболее краткому изложению, и последовавшем ответе Гиллеля (*здесь и далее примеч. пер.*).

мы кажемся себе очень благородными. За то небольшое, что мы, возможно, делаем в духе Христа иначе и лучше, чем другие, мы чувствуем себя настолько превосходящими других, что это безнравственное самоудовлетворение делает нас чуть ли не безнравственнее тех, кто не стремится, как мы, воплощать в жизнь заповеди Иисуса. Нам самим становится тяжело воспринимать заповеди Иисуса, поскольку они требуют исполнять нечто исключительное как само собой разумеющееся, хотя Он требует от нас именно этого: Он сам говорит, что, независимо от того, как много мы сделали, мы должны чувствовать себя «рабами ничего не стоящими»³.

Итак, почему мы должны вместе подумать о добре как таковом: мы хотим понять, как сверхвысокие требования Иисуса оказываются достижимыми в повседневной жизни, и мы хотим постичь их как само собой разумеющийся долг человека. Мы хотим постичь основную сущность нравственного и вывести из нее, как из высшего закона, все нравственные действия. Да, но нужно ли вообще постигать нравственность? Разве это не дело сердца? Разве она не зиждется на любви? Это повторяли нам две тысячи лет – и каков результат?

Мы видим множество людей вокруг и задаемся вопросом: почему отдельные лица столь морально неустойчивы? Почему даже самые благочестивые из них и зачастую именно они способны из-за предрассудков и человеческих страстей увлечься суждениями и поступками, в которых уже не остается ничего нравственного? Потому что им не хватает нравственности, основанной на разуме, находящей логическое основание в разуме; потому что для них нравственность не является чем-то само собой разумеющимся, что дано разумному существу.

Для достижения истинной нравственности разум и сердце должны действовать совместно. В этом и заключается проблема всех общих нравственных вопросов и решений в делах повседневной жизни.

Я говорю о разуме: разуме, проникающем в глубину вещей и охватывающем всю совокупность вещей; разуме, пытающемся заглянуть и в область воли.

Это удивительное противоречие, которое мы переживаем, когда пытаемся понять себя в отношении нравственной воли в нас самих: мы замечаем, что, с одной стороны, она связана с разумом, с другой стороны – что таким образом нас побуждают принимать решения, которые уже не являются разумными в обычном смысле, но соответствуют требованиям, считающимся обычно чрезмерными. В этом конфликте, в этом замечательном напряжении заключается сущность нравственного. Страх, что основанная на разуме нравственность является чем-то слишком низким, холодным, бессердечным, не обоснован, поскольку, как только разум действительно уходит в глубину вопросов, он перестает быть холодным разумом и начинает, хочет он того или нет, говорить тонами сердца. И само сердце, как только оно пытается постичь себя, обнаруживает, что проникает в область разума, что оно должно пройти через

³ Здесь, скорее всего, употребляя словосочетание “unnütze Knechte” (бесплезные слуги), А. Швейцер имеет в виду притчу о ничего не стоящих рабах из Евангелия от Луки: «Так и вы, когда исполните все повеленное вам, говорите: мы рабы ничего не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать» (Лк. 17:10). Именно так – “unnütze Knechte” – переводятся «рабы ничего не стоящие» (греч. «Δοῦλοὶ ἀχρεῖοί») в немецкоязычной библии в переводе М. Лютера (*примеч. пер.*).

«землю» разума, чтобы достичь предельных границ своей сферы. Как это происходит? Теперь давайте пройдем путь к первоначальному понятию добра, сначала от сердца и потом от разума, и посмотрим, встретятся ли они.

Сердце говорит, что нравственное основывается на любви. Давайте углубимся в значение этого слова. Любовь означает гармонию существ, общность существ и изначально направлена на тех лиц, которые естественным образом «принадлежат» друг другу, так что их существование состоит во внутренней связи друг с другом: дети и родители, супруги и люди, ставшие близкими друзьями. А согласно нравственным требованиям нам нельзя быть чужими по отношению к людям, которых мы не знаем, даже к тем, кто нам более чем чужд, потому что мы испытываем к ним неприязнь или они враждебны по отношению к нам. Мы же должны вести себя с ними так, как будто это наши ближние. Итак, заповедь любви в последней своей основе гласит: для тебя нет чужих, есть только люди, чьи благополучие и горести должны стать твоей заботой. Для нас так естественно, что одни люди близки нам, а другие безразличны, и даже это естественное чувство не всегда принимается нравственным сознанием. А Иисус возвышает бытие чужого до такой степени, что Он говорит: другой человек должен быть таким же близким тебе, как ты сам; ты должен испытать то, что волнует его, так же непосредственно, как то, что касается тебя самого.

Сердце должно истолковать, что значит любить Бога всем сердцем, всей душой, всеми силами своими!⁴ Бога, это далекое, непостижимое существо – любить! Здесь становится ясно, что слово «любить», когда оно понимается в нравственном смысле, употребляется в переносном значении. Бога, который никогда не нуждается в нас, должны ли мы любить так, как если бы Он был существом, которого мы встречаем в жизни? Если любовь по отношению к людям есть что-то вроде сопереживания, сострадания и помощи, то по отношению к Богу она означает нечто в смысле благоговейной любви. Бог – это бесконечная жизнь. Итак, самый элементарный и понимаемый сердцем нравственный закон означает: из-за благоговения перед непостижимым бесконечным и живым, которое мы называем Богом, мы никогда не должны чувствовать себя чужими по отношению к человеческому существу; напротив, должны побуждать себя к действительному, помогающему, сопереживанию.

Что касается сердца, то оно стремится довести заповедь любви к Богу и ближнему до ее всеобщего выражения. Теперь слово разуму. Он пытается, будто бы мы вообще ничего не знали о нравственности от предков, определить, как далеко он заходит в своих размышлениях о вещах, определяющих наши поступки. Неужели он заставит и нас выйти за пределы самих себя?

В разуме, как принято говорить, обосновался только эгоизм. Как сделать так, чтобы мне было хорошо? В этом его мудрость, дальше ничего. В лучшем случае он может научить нас определенной честности и справедливости, потому что они в большей или меньшей степени имеют отношение к ощущению счастья: разум – это потребность в познании и потребность в счастье, которые внутренне таинственным образом взаимосвязаны.

⁴ Ср. Мк. 12:30: «и возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостию твоею» (примеч. пер.).

Потребность в познании! Стремись постичь все, что окружает тебя, иди до крайних пределов человеческого знания, и, в конце концов, ты каждый раз будешь наткаться на что-то непостижимое, – и это непостижимое называется «Жизнь»! И это непостижимое настолько непостижимо, что разница между знанием и незнанием оказывается весьма относительной.

В чем разница между ученым, наблюдающим в микроскоп мельчайшие и самые незаметные явления жизни, и старым и едва умеющим читать и писать фермером, когда он весной стоит в своем саду и задумчиво наблюдает цветок, распустившийся на ветке дерева? Оба сталкиваются с загадкой жизни, и один может описать ее шире, чем другой, однако для обоих она одинаково непостижима. Все знание представляет собой в конечном итоге знание о жизни, и все познание есть изумление загадкой жизни – благоговение перед жизнью в ее бесконечных, все новых и новых образах. Что же это такое, что возникает, существует, проходит? В ином существовании обновляется, снова проходит, снова возникает и так далее и далее, от бесконечности к бесконечности? Мы можем все и мы не можем ничего, потому что при всей нашей мудрости мы не можем постичь то, что живо, но то, что мы производим – мертво.

Жизнь – это сила, воля, исходящая из первопричины, возрождающаяся в ней, это чувство, ощущение, страдание. А если ты погрузишься в жизнь, помотришь прозревшими глазами в огромный живой хаос этого бытия, то он внезапно охватит тебя как головокружение. Ты почувствуешь это во всем снова и снова. Жук, лежащий мертвым у дороги, – он был чем-то, что жило, боролось за свое существование, как ты, наслаждалось солнцем, как ты, испытывало страх и боль, как ты, а теперь это не более чем разлагающаяся материя – каковой будешь и ты рано или поздно.

Ты выходишь на улицу, и идет снег. Ты небрежно стряхиваешь снег с рукавов. Смотри же: снежинка блестит на твоей ладони. Ты должен смотреть на нее, хочешь ты этого или нет, она сияет чудесным рисунком; затем в ней возникает подергивание: тонкие иглы, из которых она состоит, сжимаются, ее уже нет – расплавилась, умерла на твоей ладони. Снежинка, упавшая из бесконечного пространства на твою руку, сияла там, дернулась и умерла – это ты. Везде, где ты видишь жизнь – это ты!

Итак, что есть познание, как самое ученое, так и самое наивное, детское: благоговение перед жизнью, перед непостижимым, что противостоит нам во Вселенной и что подобно нам самим, отличается по внешнему облику и вместе с тем внутренне сходное с нами существо, ужасно похожее на нас, ужасно родное. Снятие отчуждения между нами и другими существами.

Благоговение перед бесконечностью жизни – снятие отчуждения – сопереживание, сострадание. Таким образом, конечный результат познания в своей основе есть то же самое, что заповедует нам любовь. Сердце и разум договариваются, если мы хотим и осмеливаемся быть людьми, стремящимися постичь глубину вещей!

И разум находит золотую середину между любовью к Богу и любовью к людям – любовь к творению, благоговение перед всем бытием, сопереживание другой жизни, независимо от того, насколько она не похожа на нашу.

Я не могу испытывать ничего другого, кроме как благоговение перед всем, что называется Жизнью, я не могу не сочувствовать всему, что называется Жизнью: это начало и основа всякой нравственности. Кто испытал это однажды и продолжает переживать – и кто, однажды пережив это, вдруг переживает снова – тот нравственен. Он несет свою нравственность в себе, и она развивается в нем. Всякий, кто не испытал этого, имеет только приобретенную (начетническую, заученную. – *пер.*) мораль, которая не основывается на себе самой, не принадлежит человеку, ее легко утратить. И самое ужасное, что род человеческий имел только неестественную заученную нравственность, в то время, когда именно нравственность как раз и должна была проявить себя. На протяжении веков человеческий род воспитывался только начетнической моралью. Он был грубым, невежественным, бессердечным, не подозревая об этом, потому что еще не обладал эталоном нравственного, поскольку не испытывал всеобщего благоговения перед жизнью.

Ты должен сопереживать жизни и поддерживать жизнь – это величайшая заповедь в ее самой элементарной форме. Другими словами, в негативной формулировке: не убий. Запрет, который мы так легко нарушаем, бездумно ломая цветы, бездумно топчя бедное насекомое, и потом бездумно, ослепленные чувством мести, пренебрегаем страданиями и жизнями людей и приносим их в жертву ничтожным земным целям.

В наше время много говорят о создании нового человечества. Что значит создание нового человечества? Это не что иное, как повести людей к истинной, собственной, непреходящей, развивающейся нравственности. Но этого не случится, пока многие люди не придут в себя, не прозреют, не начнут произносить главную заповедь, великую, простую заповедь, которая звучит как благоговение перед жизнью – в которой есть нечто большее, чем закон и пророки⁵, в которой заключена любовь в ее самом глубоком и высоком нравственном смысле и из которой нравственность возрождается для индивидов и для человечества.

**Вторая проповедь об этических проблемах
и благоговении перед жизнью
Воскресенье, 23 февраля 1919 г.
Утренняя проповедь в страсбургской церкви св. Николая**

Ибо никто из нас не живет для себя, и никто не умирает для себя (Рим. 14:7).

Как я сказал вам в прошлое воскресенье, наши следующие проповеди мы посвятим проблемам нравственности. В связи с вопросом о величайшей заповеди Ветхого Завета, на который Иисус отвечает спросившему Его книжнику, соединяя две заповеди – любви к Богу и любви к ближнему, мы подняли проблему сущности нравственного, последнего основополагающего принципа моральности. Мы не хотели довольствоваться традиционным утверждением, что

⁵ Ср. Мф. 7:12: «Итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки» (*примеч. пер.*).

сущность нравственного состоит в любви, но пошли дальше и спросили: так что же такое любовь? Что есть любовь к Богу, которая побуждает нас делать добро людям? Что такое любовь к ближнему? И мы спросили не только сердце, но и разум о нравственном, поскольку беда нашего времени состоит в том, что ему не достает нравственности, основанной на разуме, не разрушаемой никакими предрассудками и страстями, и потому мы вообще не можем представить, что сердце и разум так естественно идут рядом друг с другом. Истинное сердце размышляет, а истинный разум – чувствует. Мы обнаружили, что и сердце, и разум солидарны в том, что добро в конечном итоге заключается в элементарном благоговении перед загадкой, которую мы называем жизнью, в благоговении перед всеми ее проявлениями, от малого до великого. Добро есть то, что сохраняет и поддерживает жизнь; зло – то, что подавляет и уничтожает ее. Мы нравственны, если отказываемся от своего упрямства, нашей чуждости по отношению к другим существам и сопереживаем и сочувствуем всему, что живет вокруг нас. Только через это качество мы становимся настоящими людьми; через него мы обладаем собственной, неизблемой, постоянно развивающейся нравственностью, ориентированной на саму себя.

Эти общие фразы «благоговение перед жизнью», «преодоление отчуждения», «стремление сохранить жизнь» звучат для нас холодно и сухо. Но даже будучи обыденными и привычными, они несут в себе богатое содержание. Семья так же непритязательно, но оно содержит в себе образ того, что из него вырастет. В этих простых фразах заключено основание нравственности, независимо от того, осознает это человек или нет. Таким образом, предпосылкой нравственности является то, что мы сопереживаем всем существам вокруг, а не только человеку, и потому обязаны делать все, что только можем, для сохранения и развития жизни.

Великий враг нравственности – равнодушие. Будучи детьми, мы обладали элементарной способностью к состраданию, следуя естественным побуждениям. Но эта способность не прирастала в нас с годами и развитием нашего сознания. Она была для нас чем-то неудобным, сбивающим с толку. Мы видели много людей, утративших эту способность. Тогда и мы стали подавлять ее в себе, чтобы стать как другие, не отличаться от них, и никто не мог дать нам совета, как нам быть дальше. Так люди становятся похожими на дома, в которых ставни закрываются одна за другой, и дома эти смотрят на улицу холодно и чуждо.

Остаться добрым – значит бодрствовать! Мы все похожи на человека, который бредет по улице в мороз и метель. Горе ему, если он, поддавшись искушению, сядет и заснет: он уже никогда не проснется. Так в нас умирает нравственный человек, когда мы устаем сопереживать, сострадать окружающим нас живым существам. Горе нам, если наше сочувствие немеет: наша совесть как осознание того, что мы должны делать, погибает вместе с ним.

Благоговение перед жизнью и сопереживание всему живому есть великое событие для мира. Природа не знает благоговения перед жизнью. Она тысячекратно порождает жизнь и разрушает ее тысячекратно самым бессмысленным образом. На всех ступенях жизни вплоть до человека господствует особое «невежество». Все существа обладают волей к жизни, но не обладают способностью сопереживать происходящему в других существах; все они страдают,

но не могут сострадать. Великая воля к жизни, благодаря которой сохраняется природа, является загадкой для самой себя. Одни существа живут за счет других. Природа заставляет их быть ужасно жестокими. Она заставляет насекомых под маской инстинкта протыкать других насекомых жалом и откладывать в них яйца, чтобы то, что потом развивается из яйца, могло жить в гусенице и мучить ее до смерти. Она приказывает муравьям объединиться и набрасываться на бедное маленькое существо, чтобы забить его до смерти. Посмотрите на паука! Как ужасно ремесло, которому его научила природа!

Природа прекрасна и удивительна, если наблюдать ее со стороны, но читать ее книгу страшно. Ее жестокость бессмысленна. Высшие формы жизни приносятся в жертву низшим. Однажды ребенок вдыхает бациллу туберкулеза. Он растет, развивается, но страдания и ранняя смерть сидят в нем, поскольку эти низшие существа размножаются в его благородных органах. Сколько раз в Африке меня охватывал ужас, когда я исследовал кровь человека с сонной болезнью. Почему мужчина сидел передо мной с искаженным от страдания лицом и стонал: «О, моя голова, моя голова!». Почему он должен был плакать ночами и умирать в муках? Потому что там, под микроскопом, были видны тонкие, маленькие, бледные тельца длиной десять-четырнадцать тысячных долей миллиметра – ох, их немного, зачастую совсем мало, так что иногда приходилось искать часами, чтобы обнаружить хотя бы одно!

Таким образом через загадочное раздвоение воли к жизни одна жизнь противостоит другой жизни и причиняет страдание и смерть без вины виноватому другому живому существу. Природа учит ужасному эгоизму, прекращающемуся в существе на короткое время, лишь когда нужно любить и помогать жизни, происходящей от него, до тех пор, пока это необходимо. И то, что животное, жертвуя собой, до смерти любит своих детенышей, т.е. способно к сочувствию, делает еще более ужасным тот факт, что оно лишено сочувствия к тем существам, которые не связаны с ним таким образом.

Мир, в котором господствуют эгоизм и невежество, подобен долине, погруженной во мрак; когда освещены только горные вершины. Все существа вынуждены жить во тьме, только одно может увидеть свет: высшее существо, человек. Он способен прийти к осознанию благоговения перед жизнью, к осознанию сопереживания и сочувствия, преодолев невежество, в котором томятся остальные творения.

И это осознание – великое событие в развитии бытия. Так в мире появляются истина и добро; и свет воссиял над тьмой⁶; так было достигнуто глубочайшее понятие жизни, жизни, которая одновременно есть переживание, где в одном существовании чувствуется волнение всего мира, в одном существовании жизнь как таковая приходит к осознанию самого себя... бытие индивида прекращается, бытие другого входит в наше.

Мы живем в мире, и мир живет в нас (курсив автора. – пер.). Осознавая это, мы сталкиваемся с загадками. Почему так расходятся законы природы и нравственные законы? Почему наш разум не может просто принять то, что

⁶ Ср. Мф. 12:16: «народ, сидящий во тьме, увидел свет великий, и сидящим в стране и тени смертной воссиял свет» (примеч. пер.).

противостоит ему как проявление жизни в природе, но непременно вступает в чудовищное противоречие со всем, что открывается ему? Почему законы разума совершенно иные, нежели те, что существуют в мире? Почему он должен отступить от мира, обнаружив понятие добра? Почему мы должны мучиться этим противоречием, без надежды когда-либо разрешить его? Почему вместо гармонии мы получаем разрушение? И так далее. Бог – это сила, поддерживающая все. Почему Бог, открывающий Себя в природе, есть отрицание всего, что мы воспринимаем как нравственное, а именно – сила, одновременно осмысленно созидающая жизнь и бессмысленно разрушающая ее? Как нам привести в согласие Бога как природную силу с Богом любви, каким мы должны представлять Его, когда поднялись до высшего знания о жизни, к благоговению перед жизнью, к сопереживанию и состраданию другой жизни?

Когда несколько воскресений назад мы вместе пытались разобраться с оптимистическим и пессимистическим мировоззрением, я сказал вам, что большим несчастьем для человечества стало то, что ему не было дано цельного самодостаточного мировоззрения, потому что знание, чем дальше оно развивается, тем больше и больше уводит нас от истины. И это происходит не только потому, что все очевидней становится то обстоятельство, как мало нам дано на самом деле постичь, но и потому, что противоречивость бытия раскрывается все глубже. Мы знаем «отчасти»⁷, говорит апостол Павел. Еще тяжелее то, что наше знание означает понимание неразрешимых противоречий... все приходит к тому, что закон, согласно которому происходит какое-либо событие, не имеет в себе ничего из того, что мы признаем и чувствуем как нравственное.

Вместо того, чтобы постоянно укреплять нашу нравственность, опираясь на единое представление о Боге и стремясь к целостности мировоззрения, мы должны и защищать эту самую нравственность от мировоззренческих противоречий, которые обрушиваются на нее, как сокрушительный прибор. Мы должны возвести дамбу, но выдержит ли она?

Еще одно, что угрожает нашей способности и воле к сопереживанию, – это мысль, которая постоянно приходит в голову: все это бесполезно! Все, что ты делаешь и можешь сделать, чтобы предотвратить страдание, облегчить страдание, сохранить жизнь, есть ничто по сравнению с тем, что происходит вокруг тебя в мире, с чем ты ничего не можешь поделать. Воистину страшно представлять, насколько мы бессильны, сколько страданий мы сами причиняем другим существам, не будучи в состоянии предотвратить их.

Ты идешь по лесной тропинке; солнце играет яркими пятнами в верхушках деревьев; поют птицы, тысячи насекомых радостно жужжат в воздухе. Но твой путь, и ты ничего не можешь с этим поделать, – это смерть. Там корчится муравей, которого ты раздавил, там жук, на которого ты наступил, там извивается червяк, по которому прошла твоя нога. В славной песне о жизни звучит мелодия горя и смерти, исходящая от тебя, без вины виноватого. И так всегда, когда ты хочешь сделать добро, ты чувствуешь страшное бессилие

⁷ См. 1Кор. 13:9, 12: «Ибо мы отчасти знаем, и отчасти пророчествуем», «теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан» (примеч. пер.).

в желании помочь. Тогда голос искусителя говорит тебе: зачем мучить себя? Брось это, стань равнодушным, легкомысленным и бесчувственным, как другие.

Возникает и еще один соблазн. Сострадание – значит страдание. Тот, кто однажды пережил горе мира, уже не может стать счастливым в том смысле, как этого хотел бы человек. В часы удовлетворения и радости он не в состоянии просто предаться уюту, ведь эта боль, сопереживание, всегда с ним. В настоящем присутствует то, что он видел. Он вспоминает бедняка и больного, которых встретил, человека, о тяжелой судьбе которого прочитал, – и его радость омрачается. И так продолжается и продолжается. В веселой компании он внезапно становится рассеянным. И тогда искуситель снова говорит ему: так жить нельзя. Надо научиться не обращать внимания на то, что происходит вокруг. Не быть таким чувствительным. Будь черствым, надень доспехи, стань легкомысленным, как другие, если ты хочешь жить разумно. В конце концов, мы заходим так далеко, что нам стыдно даже знать о великом сопереживании и сострадании. Мы скрываем это друг от друга и делаем вид, будто это какая-то глупость, которую отбрасывают, становясь разумным человеком.

Это три великих искушения, которые неожиданно разрушают основу, из которой исходит добро. Будьте бдительны к ним. Встречайте первое, говоря себе, что сочувствие и помощь – внутренняя необходимость для вас. Все, что вы можете сделать, всегда будет лишь каплей в море, но это придает вашей жизни единственный смысл, который она может иметь, и сделает ее ценной. Где бы вы ни были, вы должны нести избавление от страданий, которые раздвоенная воля к жизни привнесла в мир, такое искупление может принести только разумный человек. То немного, что вы можете сделать – это очень много, если вы принимаете боль, страх и страдание какого-либо существа, будь то человек или какое-то творение Божие. Сохранение жизни – единственное счастье.

Другому искушению, выражающемуся в том, что, испытывая сострадание к другому, ты сам страдаешь, возразите осознанием того, что вместе с состраданием нам дается возможность сорадоваться. С притуплением чувства жалости мы теряем способность переживания счастья другого. Как мало счастья мы видим в мире, и ощущение счастья вокруг нас вкупе с тем добром, что мы в состоянии сами сделать, может стать тем единственным счастьем, которое делает жизнь достойной жизни. В конце концов, вы не имеете права сказать: я хочу быть таким или таким, поскольку так вы думаете, что счастливее других, но вы обязаны быть такими, какими должны – настоящими знающими людьми, живущими с миром в мире, переживающими мир в себе. Неважно, счастливы ли вы в обычном смысле этого слова. «Тайный час» не требует от нас быть счастливыми; принадлежать Ему (Христу. – *пер.*)⁸ – единственное, что может удовлетворить нас.

Я говорю вам: не позволяйте чувствам остыть, бодрствуйте! Это касается вашей души. Если бы я с помощью этих слов, которыми я открываю самые

⁸ См. Кол. 2:2, 3: «дабы утешились сердца их, соединенные в любви для всякого богатства совершенного разумения, для познания тайны Бога и Отца и Христа, в Котором сокрыты все сокровища премудрости и ведения». См. также Мф. 24:36: «О дне же том и часе никто не знает, ни Ангелы небесные, а только Отец Мой один» (аналогично Мк. 13:32) (*примеч. пер.*).

сокровенные свои мысли, мог бы заставить присутствующих здесь вырваться из того обмана, которым мир хочет усыпить вас, чтоб никто из вас больше не был бы рассеянным и не боялся бы познать благоговение перед жизнью и великое сопереживание как необходимость потерять себя в ней, тогда я бы был полностью удовлетворен и считал свой труд благословенным. Даже если бы я знал, что завтра мне будет запрещено проповедовать или что я так и не добился ничего своей проповедью и ничего больше не добыюсь.

Я, тот, который боится оказывать влияние на людей из-за чувства ответственности, хочу сейчас обладать силой очаровать вас, чтобы вы смогли сострадать, пока каждый из вас не испытает ту великую боль, от которой уже не избавится никогда, неся в себе сострадание; ибо тогда я скажу себе, что на пути к добру вы больше не сможете утратить это чувство. «Никто из нас не живет для себя»⁹: пусть преследует нас это Слово и не дает нам покоя, пока мы не сойдем в могилу.

Перевод с немецкого Н.П. Пугачевой

A. Schweitzer
Sermons on Reverence for Life (February 1919)

⁹ Рим. 14:7 (см. вступление к проповеди) (*примеч. пер.*).